

ТЕКСТ

СТАТЬИ ЗАПАДНЫХ ИСТОРИКОВ

Питер Берк

«Новая история», ее прошлое и будущее*

(Перевод и предисловие А. Ю. Ануфриевой)

В течение XX в. исследовательское поле истории неуклонно расширялось. Характерное стремление к междисциплинарности, заявленное основателями школы «Анналов» еще в 20-х гг. прошлого века, привело к тому, что в сферу интересов исторической науки вошли искусствоведение, филология, философия, психология и т. п. Вместе с этим фокус внимания историков начинает перемещаться и к области методологии. Все более насущным для исторической науки становится вопрос как исследовать, а не что исследовать. Примерно во второй половине XX в. появляется так называемая «новая историческая наука», которая возникла в противовес традиционной исторической научной парадигме, основанной на ранкенианской позитивистской традиции. «Новые историки» ратовали за пересмотр методологических принципов, обновление теоретической базы, за введение в исторические исследования новых объектов, за «новый исторический синтез».

Многие исследователи связывают это новое направление в исторической науке с деятельностью М. Блока и Л. Февра, основавших в 1929 г. знаменитый журнал «Анналы». Тем не менее идеи своеобразного обновления истории, освобождение ее от традиционной «истории событий» существовали и до появления «Анналов», например, в работах социолога Э. Дюркгейма или немецкого историка начала XX в. К. Лампрехта. Да и во время выхода в свет первого номера журнала «анналисты» не бы-

* Перевод и публикация по изд.: New Perspectives on Historical Writing. Cambridge, 1991. P. 1–23.

ли одиноки: в Англии, например, их идеи разделяли Л. Нэмир, Р. Х. Тоуни. Таким образом, можно сказать, что мысли о «реформировании» истории носились в воздухе.

В 1970–1980-х гг. это движение расширяется, к нему присоединяются историки из Японии, Индии, Латинской Америки, России. К этому времени, кроме работ, выдержанных в ключе новой исторической парадигмы, появляются исследования, посвященные самой «новой исторической науке» – своеобразная рефлексия над тем, что и как исследует «новая историческая наука». Можно сказать, что одной из таких удачных попыток является книга «Новые перспективы историописания»*, которую К. Гинзбург определил как «необходимое для всех историков». В свое время эта книга получила немало хвалебных отзывов, неоднократно переиздавалась и прочно вошла в методологический инструментарий современных историков.

Эта книга – сборник статей под общей редакцией П. Берка, одного из ярких представителей современной британской историографии. Помимо П. Берка, в авторский коллектив вошли такие известные историки, как Роберт Дарнтон, Иван Гаскел, Джованни Леви, Джоан Скотт. Книга «Новые перспективы историописания» полностью посвящена новым подходам в исторической науке, таким как гендерная история, «история снизу», история чтения, устная история, история тела, микроистория, история событий, история изображений, политическая история. Говоря иными словами, эта книга представляет достижения «новой истории», а с другой стороны, рассуждает о ее проблемах и недостатках. Как написал сам П. Берк в предисловии, цель этой книги «не восхвалять новую историю... но определить ее сильные и слабые стороны»**.

Автор публикуемой здесь статьи Питер Берк – известный в Европе, очень плодотворно работающий историк, чьи книги пользуются популярностью во многих странах. Он является членом научного общества Эммануил-колледжа в Кэмбридже, членом Института высшей школы в Принстоне, Гуманитарного исследовательского центра, Австралийского национального университета, Практической школы высших исследований в Париже. П. Берк – почетный член Британской академии, член Европейской академии, доктор Университета в Лунде.

Питер Берк родился в Англии в ирландской католической семье в 1937 г., учился в Иезуитском колледже в северном Лондоне. Затем он

* См.: New Perspectives on Historical Writing. P. 1–23.

** См.: Ibid. P. 8.

поступил в Оксфорд (колледж Св. Иоанна), где учился вместе с Кристофером Хиллом и Лоуренсом Стоуном. В Оксфорде он занимается историей и культурой Италии эпохи Ренессанса. После окончания П. Берк остается в Оксфорде и получает степень доктора исторических наук под руководством Тревора-Ропера. Первоначально тема его исследований должна была быть посвящена ордену иезуитов в XVII в., затем она расширилась до 1500–1700 гг. Во время работы над диссертацией П. Берк получает приглашение из университета в Сассексе, где преподавал 16 лет (1962–1978), а затем, уже в должности профессора культурной истории, работает в Кэмбридже до настоящего времени*.

За это время им было написано 16 монографий и более 150 статей**. Сфера интересов профессора Берка – европейская культурная история 1450–1750 гг. и история исторической мысли. П. Берк является одним из тех, кто стоит у истоков создания «культурной истории». Он внес существенный вклад в ее дальнейшее развитие. Например, в своей известной монографии «Народная культура в Европе раннего Нового времени» он исследовал народную культуру (культуру не-элиты, «подчиненных классов»), чего в то время до него практически никем не предпринималось. П. Берк является убежденным сторонником междисциплинарного подхода в истории, а также «истории снизу». В своих работах он активно использует методы других наук, в частности социальной антропологии.

В предлагаемой вниманию читателей статье П. Берк выступает в роли историографа, причем историографа той самой «новой исторической науки», в развитии которой он принимает активное участие.

П. Берк констатирует раздробленное состояние исторической науки, вызванное, с одной стороны, разделением традиционных, устоявшихся историй, таких как политическая, экономическая и социальная, и с другой – появлением абсолютно новых направлений: история тела, история снизу, гендерная история и т. п. В процессе «расширения» истории перед ней возник ряд проблем, которые П. Берк предлагает объединить в сле-

* *Snowman D.* Interview with P. Burke // *History Today*. 1999. Apr.

** Среди самых известных его книг можно назвать: *Culture and Society in Renaissance Italy*. Batsford, 1972; *Popular Culture in Early Modern Europe*. L., 1978; *Historical Anthropology of Early Modern Italy: Essays on Perception and Communication*. Cambridge, 1987; *The French Historical Revolution: the Annales School. 1929–1989*. Cambridge, 1990; *History and Social Theory*. Cambridge, 1992; *Varieties of Cultural History*. Cambridge, 1997; *The European Renaissance: Centers and Peripheries*. Oxford, 1998; *A Social History of Knowledge from Gutenberg to Diderot*. Cambridge, 2000; *The Uses of Images as Historical Evidence*. L., 2001.

дующие группы: проблемы определений, источников, методов и интерпретации.

Под проблемой определений П. Берк понимает отсутствие единого терминологического аппарата «новой исторической науки». Проблема различных пониманий одного и того же термина возникает потому, что историки, работая в смежных областях, используют термины этих наук, в связи с чем возникает возможность различной интерпретации одного и того же термина: «культура», «повседневность», «народная культура»... Среди историков нет договоренности по определению очень многих терминов. Более того, многие понятия вызывают напряженные дискуссии, и достижение консенсуса пока не предвидится.

Новая постановка вопросов в современной историографии требует привлечения новых источников, таких как фотографии, фильмы, предметы обихода, устные источники и т. п. В свою очередь, новые источники требуют новых методов работы с ними. П. Берк отмечает, что зачастую метод работы с новыми источниками рождается непосредственно из практики, и исследователь, таким образом, является «первопроходцем», который должен сам выявлять эти источники, обосновывать возможность их применения и получать определенные результаты, что, в свою очередь, вызывает споры об объективности, правомерности и научности подобных действий. Как, например, это происходило с «устной историей».

Проблема интерпретации – это проблема исторической парадигмы. В сущности, П. Берк рассматривает ее как старый спор между приверженцами детерминистских моделей интерпретаций (таких, как марксизм) и недетерминистских (например, психоистория, которая базируется на фрейдизме). Проблема состоит в том, сколько свободы дать личности, насколько деятельность личности определяется общественными нормами, воспитанием и т. д. В данном случае (и это неизбежно) каждый исследователь отвечает для себя на этот вопрос по-своему.

Казалось бы, что может быть лучше для истории, чем подобное изобилие исследований, подходов, методик и пр. Однако такая ситуация чревата «расползанием» исторической науки, потерей ею целостности, и, как следствие, она перестанет существовать. Именно поэтому определенная группа историков является сторонниками концепции «нового исторического синтеза» («тотальной истории»), которую так яро защищал Ф. Бродель. Объединение истории, такой разной и многоликой, в нечто единое в настоящий момент невозможно, считает П. Берк. Тем не менее определенное движение к равновесию в истории наблюдается: некогда радикальные течения исторической мысли, например «женская история», становят-

ся более «либеральными», возвращаются в общий контекст исторической науки. В этом П. Берк видит залог будущего, пусть не абсолютного, исторического синтеза.

Последнее поколение стало свидетелем головокружительного расширения вселенной историков¹. Национальная история, которая преобладала в XIX в., теперь вынуждена конкурировать за внимание с мировой и локальной историей (некогда уделом антикваров и любителей). Появилось много новых сфер, часто поддерживаемых специализированными журналами. Социальная история, например, стала независимой от экономической только для того, чтобы разделиться, как какая-нибудь новая народность, на историческую демографию, историю труда, историю городов, историю деревни и т. п.

В свою очередь, экономическая история раскололась на старую и новую. Новая экономическая история 1950–1960-х гг. (сейчас в средних летах, если не старше) слишком хорошо известна, чтобы вызывать какие-либо дискуссии². Среди экономических историков также произошел сдвиг от изучения производства к изучению потребления, сдвиг, который еще больше затруднил разделение экономической истории и истории социальной и культурной. История управления – новое интересное направление, но она затемняет, если не стирает границы между экономической и административной историей. Другая специализация – история рекламы – ведет двойную игру с экономической историей и историей коммуникации. Сегодня сама индивидуальность экономической истории находится под угрозой со стороны молодого, но очень амбициозного начинания – истории окружающей среды, иногда именуемой экоисторией.

Политическая история также разделена не только между так называемыми «старшей» и «младшей» школами, но также между историками, которые исследуют центральную власть, и теми, которых интересует политика местного уровня (grassroots). Сфера политической истории расширяется в том смысле, что историки (следуя за теоретиками, например Мишелем Фуко) все более склонны обсуждать борьбу за власть на уровне завода, школы или даже семьи. Цена подобного расширения – своеобразный кризис само-

определения. Если политика везде, есть ли необходимость в политической истории³? С подобной проблемой столкнулись историки культуры, когда они отвернулись от узкого, но точного определения культуры с точки зрения искусства, литературы, музыки и т. д. к более антропологическому определению этой сферы.

В этой непрерывно расширяющейся и дробящейся вселенной растет потребность в ориентирах. Что есть так называемая «новая история»? Насколько она нова? Является ли она только неким модным течением или давно существующей тенденцией? Заменит ли она (или должна заменить) традиционную историю или эти соперники могут сосуществовать в мире?

<...>

Что такое «новая история»?

Термин «новая история» лучше всего известен во Франции. «La nouvelle histoire» – название сборника статей под редакцией выдающегося французского медиевиста Жака Ле Гоффа. Ле Гофф помогал также редактировать объемный сборник статей в трех томах, в которых рассматриваются «новые проблемы», «новые подходы», «новые объекты»⁴. В таком случае понятно, что такое новая история: это история, «сделанная во Франции», стране la nouvelle vague и le nouveau roman, не говоря уже о la nouvelle cuisine. Более точно, это история, связанная с так называемой школой «Анналов», объединенной вокруг журнала «Анналы: экономика, общество, цивилизация».

Что же такое «nouvelle histoire»? Дать позитивное определение не просто; эта группа едина только в том, чему противостоит, и последующие страницы продемонстрируют многообразие новых подходов. Именно поэтому трудно предложить что-то большее, чем туманное описание, характеризующее новую историю как тотальную историю (histoire totale) или как структурную историю. Следовательно, возникает возможность подражания средневековым теологам, столкнувшимся с проблемой определения Бога и действующих *via negativa*, другими словами, для определения новой истории в понятиях того, чем она не является, того, чему ее приверженцы противостоят.

Новая история – история, написанная как намеренная реакция против традиционной парадигмы – полезный, хотя и не точный термин, пущенный в обращение американским историком науки Томасом Куном⁵. Было бы удобно описать эту традиционную парадигму как «ранкенианскую историю» в честь великого немецкого историка Леопольда фон Ранке (1795–1886), хотя он и был меньше ограничен ею, чем его последователи. (Как Маркс не был марксистом, так Ранке не был ранкенианцем.) Мы также можем определить эту парадигму как здравый взгляд на историю не для того, чтобы восхвалять ее, но чтобы сделать акцент на том, что она часто – даже слишком часто – принималась за единственный способ написания истории, чаще, чем осознавалась как одна среди различных возможных приближений к прошлому. Ради простоты и ясности различия между старой и новой историей могут быть обобщены в семи пунктах.

1. В соответствии с традиционной парадигмой история непременно связана с политикой. В самонадеянной мещанской фразе, сказанной сэром Джоном Сили, почетным профессором истории в Кэмбридже, «история есть прошлое политики, политика – настоящее истории». Политика провозглашалась неизбежно связанной с государством; иными словами, она была скорее национальной и интернациональной, чем локальной. Тем не менее она включала в себя историю церкви как института, а также то, что военный теоретик Карл фон Клаузевиц определял как «продолжение политики другими средствами», т. е. войну. Хотя другие виды истории – история искусств, например, или истории науки – не исключались традиционной парадигмой, они были маргинализированы, т. е. считались второстепенными для интересов «настоящих» историков.

Новая история, с другой стороны, занимается изучением фактически всех видов человеческой деятельности. «Все имеет историю», – однажды написал ученый Дж. Б. С. Халдан; это значит, что все имеет прошлое, которое в принципе может быть реконструировано и соотнесено со всем контекстом⁶. С тех пор формула «тотальная история» так дорога историкам-анналистам. Первая половина века свидетельствовала о подъеме истории идей. За последние тридцать лет мы наблюдаем несколько историй, которые

занимаются такими темами, о которых до этого и не думали как о предмете исторического исследования, например: детство, смерть, безумие, климат, запахи, грязь и чистота, жесты, тело... женственность... чтение... речь и даже молчание⁷. То, что раньше считалось неизменным, теперь рассматривается как «культурная конструкция», предмет, изменяющийся во времени, так же как и в пространстве.

Культурный релятивизм, подразумеваемый здесь, заслуживает того, чтобы остановиться на этом подробнее. Философское основание новой истории – идея социально или культурно сконструированной реальности. Следование этой идее, или программе, многими социальными историками и социальными антропологами помогает объяснить недавнее соединение этих двух дисциплин... Этот релятивизм также подрывает традиционное разграничение между тем, что считать в истории главным, и тем, что считать второстепенным.

2. Во-вторых, традиционные историки в сущности понимают историю как изложение событий, в то время как новая история больше занимается анализом структур. Одна из самых известных работ нашего времени «Средиземноморье» Фернана Броделя объявляет историю событий (*histoire evenementielle*) не более чем пеной на волнах моря истории⁸. По Броделю, экономические и социальные изменения длительной протяженности (*la long duree*) и геоисторические изменения длительной протяженности есть то, что действительно имеет значение. Хотя недавно имело место нечто похожее на противодействие этому взгляду... и важность события больше не отрицается так легко, как раньше, история структур различного вида продолжает восприниматься очень серьезно.

3. В-третьих, традиционная история предлагает взгляд «сверху». В том смысле, что она всегда сконцентрирована на великих делах великих людей, политиков, генералов или, изредка, церковных иерархов. Остальному человечеству отводится незначительная роль в исторической драме. Существование этого правила обнаруживается по реакции на его нарушение. Когда великий русский поэт Александр Пушкин работал над описанием крестьянского бунта и его лидера Пугачева, комментарий царя Николая I был: «такой

человек не имеет истории». В 1950-х гг., когда британский историк написал работу о народном движении во время Французской революции, один из критиков поставил вопрос: «Зачем вы возитесь с этими бандитами?»⁹.

С другой стороны... новые историки занимаются «историей снизу», другими словами, взглядами обычных людей и их переживанием социальных перемен. История массовой культуры привлекает к себе большое внимание. Историки церкви начинают обозревать ее историю снизу, так же как и сверху¹⁰. Приверженцы интеллектуальной истории также перенесли свое внимание с великих книг или великих идей – эквивалента великих личностей – на историю коллективной ментальности или на историю дискурсов или «языков», язык схоластики, например, или язык общего права¹¹.

4. В-четвертых, в соответствии с традиционной парадигмой, история должна базироваться на документах. Одним из великих достижений Ранке было выявление им ограниченности повествовательных источников – назовем их хрониками – и подчеркивание необходимости основывать письменную историю на официальных записях, исходящих от правительств и хранящихся в архивах. Ценой этого достижения стало отрицание других видов источников. Период до изобретения письменности был объявлен «предысторией». Однако движение «истории снизу» выявило ограниченность и этого вида документов. Официальные документы обычно выражают официальную точку зрения. Чтобы восстановить позицию еретиков или мятежников, подобные записи должны быть подкреплены другими видами источников.

В любом случае, если историки занимаются булшим количеством видов человеческой деятельности, чем их предшественники, они должны рассматривать большее число источников. Некоторые из этих источников письменные, некоторые устные... Существуют также и статистические источники: данные по торговле, демографические сведения, итоги голосования и т. д. Расцвет количественной истории имел место, вероятно, в 1950–1960-е гг., когда несколько энтузиастов заявили, что только количественные методы заслуживают доверия. Против подобного заявления и до некото-

рой степени против этих методов высказывались возражения, но интерес к более умеренной количественной истории продолжал расти. Например, в Британии в 1987 г. была основана Ассоциация истории и компьютеризации.

В соответствии с традиционной парадигмой, характерно выраженной философом истории Р. Г. Коллингвудом, «когда историк спрашивает: “Почему Брут заколол Цезаря?”», он имеет в виду: “Что из того, что было у Брута на уме, заставило его принять решение заколоть Цезаря?”»¹². Эта модель исторического объяснения критикуется современными историками по нескольким причинам, в основном потому, что она не берет в расчет множество вопросов историков, часто относящихся к общественным движениям, так же как и к индивидуальным действиям, к закономерностям и к отдельным событиям.

Почему, например, произошел рост цен в Испании в XVI в.? Историки экономики не согласуются в своих ответах на этот вопрос, но их различные ответы (в понятиях «импорт серебра», «рост популяции» и т. д.) очень далеки от модели Коллингвуда. В знаменитом труде Фернана Броделя «Средиземноморье», впервые опубликованном в 1949 г., только в третьей, и последней, части, посвященной истории событий, ставятся вопросы, отдаленно похожие на вопрос Коллингвуда, и даже здесь автор предлагает очень отличающийся вариант ответа, подчеркивая стеснения своего героя, короля Филиппа II, и недостаток влияния короля на историю своего времени.

В соответствии с традиционной парадигмой история объективна. Задача историка – дать читателю факты или, как это выразил Ранке в часто цитируемой фразе, рассказать, «как это было на самом деле». Его скромное отречение от философских намерений было интерпретировано потомками как гордый манифест независимой истории. В знаменитом письме своим заграничным сподвижникам в «Кэмбриджской современной истории», издающейся с 1902 г., ее редактор, лорд Акстон, убеждал, что «наше Ватерлоо должно быть таким, чтобы довольными остались француз и англичанин, немец и датчанин», что читатели не должны отличить, где приложил руку один историк и где другой принял эстафету¹³.

Сегодня этот идеал в основном считается недостижимым. Как бы усердно мы ни боролись за то, чтобы избежать предубеждений, связанных с цветом, верой, классом или полом, мы не можем не смотреть на прошлое с определенной точки зрения. Культурный релятивизм, очевидно, относится к самому процессу написания истории настолько же, насколько и к ее так называемым объектам. Наш разум не отражает реальность напрямую. Мы воспринимаем мир только сквозь сеть условностей, схем и стереотипов, сеть, которая варьируется от одной культуры к другой. В подобной ситуации наше понимание разногласий безусловно улучшается с помощью представлений противоположных точек зрения, как и с помощью попыток, как, например, попытки Актона озвучить соглашение. Мы отошли от идеала «голоса истории» к идеалу многоголосия, определяемому как «различные и противоположные голоса»...¹⁴

История Ранке была историей профессионалов. Девятнадцатый век – время, когда история стала профессионализироваться с помощью особых факультетов в университетах и благодаря распространению специальных журналов, как, например, «*Historische Zeitschrift*» и «*English Historical Review*». Большинство современных выдающихся историков также профессионалы с курьезным исключением позднего Филиппа Арьеса, который любил называть себя «воскресным историком». Можно описать достижения историков школы «Анналов», сказав, что они показали, что экономическая, социальная и культурная истории могут иметь собственные профессиональные стандарты, подобные установленным Ранке для политической истории.

Кроме того, полем их исследований является целый класс человеческой деятельности, что вдохновляет их использовать междисциплинарный подход, в том смысле, чтобы учиться у других наук и сотрудничать с социальными антропологами, экономистами, литературоведами, психологами, социологами и т. д. Историки искусств, литературы и наук, которые обычно занимались своими исследованиями более или менее обособленно от основной группы историков, теперь более регулярно общаются с ними. Движение «история снизу» также отражает новую решимость рассмат-

ривать взгляды обычных людей на их прошлое более серьезно, чем до этого привыкли делать профессиональные историки¹⁵. То же самое можно сказать о некоторых формах устной истории. В этом смысле многоголосие также необходимо для новой истории.

<...>

Проблемы определения

<...>

Движение за перемены началось со все более широко распространяющегося осознания неадекватности традиционной парадигмы. Смысл неадекватности не может быть понят, пока мы не посмотрим за пределы исторического ремесла, на изменения в большом мире. Деколонизация и феминизм, например, – два движения, которые несомненно оказали глубокое воздействие на последующий исторический дискурс... В будущем на то, как будет писаться история, все большее влияние, вероятно, будет оказывать экологическое движение.

В сущности, оно уже вдохновило некоторые исследования. Знаменитая монография Броделя о Средиземноморье, будучи впервые опубликованной в 1949 г., привлекла внимание количеством пространства, которому она была посвящена в природном окружении, – земле и морю, горам и островам. Сегодня, однако, картина Броделя выглядит удивительно статичной, так как автор не вполне учел то, что окружающая среда менялась из-за присутствия человека, уничтожающего леса, например, с целью построить галеры, образы которых так ярко проступают на страницах «Средиземноморья».

Более динамичная экоистория была предложена целым рядом исследователей. Уильям Кронон предложил замечательное исследование колониальной Новой Англии, посвященное воздействию прибытия европейцев на растительный и животный ареал региона, отмечая исчезновение бобров и медведей, кедров и белых сосен и возрастающее значение европейских травоядных животных. В совсем других масштабах Альфред Кросби рассмотрел то, что он называет «биологической экспансией Европы», между 900 и 1900 гг., и значение европейских болезней для расчистки путей

успешному установлению «Нео-Европы» от Новой Англии до Новой Зеландии¹⁶.

По внутренним, равно как и по внешним, причинам есть основания говорить о кризисе традиционной парадигмы написания истории. Однако и новая парадигма имеет свои проблемы – проблемы определения, источников, методов, интерпретации...

Проблема определения появилась из-за того, что новые историки оказались на незнакомой территории. Они начинали по обыкновению исследователей других культур от противного. История Востока воспринималась западными историками как противоположность их собственной, в силу чего оказались стертыми различия между Средним и Дальним Востоком, Китаем и Японией и т. д.¹⁷ Мировая история зачастую представлялась европейцами через призму отношений между Западом и всеми остальными странами, т. е. взаимодействия между Азией и Африкой, Азией и Америкой и т. п. не принимались в расчет. В свою очередь, «история снизу» была с самого начала заявлена как противоположность «истории сверху», с «низкой» культурой вместо «высокой» культуры. В процессе исследований ученые стали все больше осознавать проблемы, присущие этой дихотомии.

Например, если народная культура есть культура «людей», то кто эти люди? Все люди, бедные, «подчиненные классы», по словам марксистского мыслителя Антонио Грамши? Неграмотные или необразованные? Для нас неприемлемы подобные экономические, политические и культурные разделения, непременно совпадающие в современном обществе. А что такое образование? Есть ли оно только специальная подготовка, проводящаяся определенными социальными институтами, такими как школы или университеты? Можно ли считать обычных людей необразованными или у них просто другое образование, культура, отличная от элитарной?

<...>

Термин «история снизу», по-видимому, обеспечивает преодоление этих трудностей, но создает собственные проблемы. Этот термин меняет свое значение в разных контекстах. Должна ли политическая история «снизу» обсуждать взгляды и действия всякого, кто исключен из властных структур или она должна иметь

дело с местным или самым нижним (grassroots) уровнем? Должна ли история церкви «снизу» рассматривать религию с точки зрения мирян, невзирая на их социальный статус? Должна ли история медицины «снизу» заниматься народными целителями как противоположностью профессиональным докторам или она должна заниматься переживаниями пациентов и диагностикой болезней?¹⁸ Должна ли военная история «снизу» заниматься обычными солдатами Айзенкура или Ватерлоо, как это столь впечатляюще сделал Джон Киган, или она должна сосредоточиться на переживании войны гражданами?¹⁹ Должна ли история образования «снизу» повернуться от министров и теоретиков образования к обыкновенным учителям, как это сделал Жак Озуф, например, или она должна представлять школы с точки зрения учеников?²⁰ Должна ли экономическая история «снизу» сфокусироваться на мелких торговцах или на мелких потребителях?

Одна из причин трудности определения истории народной культуры в том, что понятие «культура» гораздо более сложно ухватить, чем понятие «народная». Так называемое «возвышенное» определение культуры (высокое искусство, литература, музыка и т. д.) было узким, но по крайней мере точным. Широкое понимание культуры является центральным для новой истории²¹. Государство, социальные группы и даже пол или общество сами по себе считаются культурно сконструированными. Если мы используем термин в широком смысле, то должны хотя бы спросить себя, что не считать культурой.

Другой пример нового подхода, который должен быть освещен как проблема определения, это история повседневной жизни. Alltagsgeschichte, как ее называют в Германии. Сама по себе эта фраза не нова: la vie quotidienne стало названием серии, выпущенной французским издательством «Ашетт» в 1930-х гг. Что здесь ново, так это важность, приданная повседневной жизни в современном историческом нарративе, особенно после публикации знаменитого исследования Броделя «Материальная цивилизация» в 1967 г.²² Когда-то объявленная тривиальной, история повседневности теперь рассматривается некоторыми историками как единственно реальная история, в зависимости от которой должно быть поставлено

все остальное. «Повседневность» также находится на перекрестке последних подходов в социологии (от Мишеля Серто до Ирвинга Гофмана) и философии (как в марксизме, так и в феноменологии)²³.

Общее в этих подходах то, что они берут мир обычного переживания (а не общество абстрактно) в качестве отправного пункта, а также пытаются рассматривать повседневную жизнь как проблему, т. е. демонстрируя, что поведение или ценности, принятые в одном обществе, воспринимаются как очевидная нелепость в другом. Историки, как и социальные антропологи, стремятся приоткрыть неписанные нормы повседневной жизни («поэтику» повседневности, по выражению русского семиолога Ю. Лотмана) и показать читателям, каково быть отцом или дочерью, правителем или святым в определенной культуре²⁴. С этой точки зрения социальная и культурная история, кажется, сливаются друг с другом. Некоторые сторонники этого подхода называют себя «новыми» историками культуры, другие – «социально-культурными» историками²⁵. В любом случае влияние культурного релятивизма на историческое сочинение кажется неизбежным.

Однако, как заметил социолог Норберт Элиас в известной статье, понятие повседневности менее точно и более запутанно, чем оно выглядит. Элиас различает восемь текущих значений термина – от частной жизни до мира обычных людей²⁶. Повседневность включает действия – Бродель определяет их как поток событий в установленном порядке, – а также отношения, которые мы можем назвать психологическими привычками. Она может даже включать ритуал. Ритуал, рынок особых событий в жизни личности и общества, часто определяют как противоположность повседневности. С другой стороны, иностранцы часто замечают повседневные ритуалы в жизни каждого общества: особенности питания, формы приветствия и т. п., – которые местные жители совсем не воспринимают как ритуал.

Сложно описать или проанализировать также отношение между структурой повседневности и переменами. Так как повседневность кажется вневременной, для социальных историков стоит задача показать, как на деле следует соотносить повседневную жизнь и великие события, такие как Реформация или Француз-

ская революция, а также так называемые длительные процессы (вестернизация или генезис капитализма). Знаменитый социолог Макс Вебер ввел термин, который может быть нам полезен, – «рутинализация» (Veralltäglicung – лит. «банализация»). Одним из фокусов внимания для социальных историков может быть процесс взаимодействия между основными событиями и тенденциями, с одной стороны, и структурами повседневной жизни – с другой. До какой степени, какими способами и в течение какого периода времени французская или русская революции вошли в повседневную жизнь различных социальных групп, до какой степени и насколько успешно им было оказано сопротивление?

Проблемы источников

Главнейшая проблема для новых историков – безусловно проблема источников и методов. Ранее уже предполагалось, что когда историки начинают задавать новые виды вопросов о прошлом, чтобы выбрать новый объект исследований, они вынуждены искать новые виды источников, чтобы дополнить официальные документы. Некоторые обратились к устной истории... другие к свидетельствам изображений... некоторые – к статистике. Также кажется возможным перечитать определенные виды источников по-новому. Историки народной культуры очень активно используют юридические источники, особенно допросы подозреваемых. Два знаменитых исследования истории «снизу» базируются на следственных записях: «Монтайю» Ле Руа Ладюри (1975)... и «Сыр и черви» Гинзбурга (1986).

Тем не менее все эти источники вызывают специфические трудности. Историки народной культуры пытаются реконструировать обычное, каждодневное поведение на основании записей того, что было необычными событиями в жизни обвиняемых, – допросов и пыток. Они пытаются восстановить то, что думали нормальные люди, на основании того, что обвиняемые, которые могли не принадлежать типичным группам, были вынуждены сказать в необычной, если не ужасающей, ситуации, в которой они оказывались. Поэтому необходимо читать документы между строчками. Нет

ничего неправильного в попытке читать между строчками, особенно когда попытка сделана историками с изяществом Гинзбурга или Ле Руа Ладюри.

Тем не менее принципы, лежащие в основе подобного прочтения, не всегда ясны. Будет честным признать, что нарисовать портрет социально невидимых (работающих женщин, например) или выслушать несказанное, молчащее большинство умерших (что необходимо как часть тотальной истории), – предприятие более рискованное, чем то, как обычно обстоит дело с традиционной историей. Политическая история века Карла Великого, например, базируется на источниках настолько же разрозненных и не достоверных, как и история народной культуры XVI века²⁷.

Большое внимание было уделено устным свидетельствам, некоторую долю этого внимания проявили историки Африки, такие как Ян Вансина, который занимался достоверностью устных традиций на протяжении веков, и некоторую – современные историки, например Пол Томпсон, который реконструировал образ жизни в эру Эдуарда. Проблема влияния на сведения, даваемые очевидцем, вопрошающего историка и самой ситуации вопрошания уже обсуждалась²⁸. Однако будет справедливо заметить, что критицизм устных свидетельств пока еще не достиг изысканности критики письменных источников, которую историки практиковали веками. Некоторое представление о расстоянии, пройденном в течение четверти века, и о длинном пути, который еще предстоит пройти, может быть получено при сравнении первого издания исследований устных традиций Вансиной, впервые опубликованного в 1961, с практически полностью переписанной версией 1985 г.²⁹

Ситуация подобна в случае с фотографиями, изображениями и в целом свидетельствами материальной культуры. Недавняя работа о фотографии (включая фильм) разоблачила заявление, что камера – это объективная запись реальности, подчеркивая не только выбор, сделанный фотографами в соответствии с их интересами, верой, ценностями, предубеждениями и т. д., но также их дань изобразительным традициям, осознают они это или не осознают. Если некоторые викторианские фотографии деревенской жизни походят на датские пейзажи XVII в., это также может происхо-

дить потому, что фотографы знали эти картины и размещали фигуры в соответствии с ними с целью представить, как Томас Харди назвал это в подзаголовке к книге «Под деревом Гринвуда», «картины датской школы». Как историки, фотографы предлагают не отражение реальности, но представление ее. Некоторые важные шаги были предприняты по направлению к критике фотографий как источников, но здесь также предстоит многое сделать³⁰.

В случае художественных изображений... климат энтузиазма для расшифровки их иконографии или иконологии в середине XX в., века таких виртуозов, как Эрвин Пановский и Эдгар Уинд, сменился ледяным веком релятивистского скептицизма. Критерии для интерпретации скрытых значений в конкретном случае действительно трудно сформулировать³¹. Проблемы иконографии становятся даже более запутанными, когда историки других направлений пытаются использовать картины для своих собственных целей, как свидетельства религиозных или политических намерений. Это очень просто – доказывать по кругу, читая изображения Альбрехта Дюрера как симптом духовного кризиса и затем представляя изображение как аргумент существования кризиса³².

Материальная культура, конечно, сфера археологов, изучающих периоды, во время которых не существовало письменности. Однако нет достаточной причины для того, чтобы ограничивать археологические методы только предысторией, и археологи продвинулись к изучению Средних веков, ранней промышленной революции и наиболее недавние к более широкому кругу периодов, от колониальной Америки до потребительского общества современности³³.

Историки начинают подражать им, если и не выкапывая прошлое (Версаль и другие основные здания раннего современного периода по счастью не нуждаются в выкапывании), то по крайней мере отводя больше внимания физическим объектам. Аргументы в пользу появления индивидуализма и частной собственности в ранний современный период теперь основываются не только на доказательстве ведения дневников, но также на таких изменениях, как появление индивидуальных чашек (вместо общего котла), стульев (вместо общих скамеек) и личных спален³⁴.

В этом случае, однако, трудно не удивляться, применяется ли материальная культура для того, чтобы сделать нечто большее, чем подтверждать гипотезы, основанные в первую очередь на письменных свидетельствах. Может ли археология периода после 1500 г. (на Западе, по крайней мере) стремиться к чему либо большему? Поздний Мозес Финли однажды предположил, что «определенный вид документов делает археологию более или менее ненужной», выбрасывая индустриальную археологию в корзину для мусора одной единственной фразой³⁵. Его заявление заслуживает серьезного ответа, но доскональный пересмотр ценности сведений, даваемых материальной культурой, для истории нового времени еще предстоит сделать.

Достаточно забавно, что история материальной культуры, область, вызывавшая большой интерес в последние несколько лет, в меньшей мере основывается на изучении вещей как таковых, нежели на письменных источниках. Историки изучают так называемую «социальную жизнь вещей» или, более точно, социальную жизнь групп, определяемых по использованию ими вещей, в основном полагаясь на такие свидетельства, как описания путешественников (которые много рассказывают нам о расположении и функционировании определенных объектов) или описи владельцев, которые поддаются анализу количественными методами³⁶.

Самой значительной – и самой противоречивой – инновацией в области метода в последнем поколении безусловно стало возникновение и распространение количественного метода, иногда иронически называемого «клиометрией», другими словами, живая статистика богини истории. Этот подход, конечно, один из давно устоявшихся среди историков экономики и исторической демографии. Если что и было новым, так это его распространение в 1960-х и 1970-х гг. в других видах истории. В Соединенных Штатах, например, существует «новая политическая история», приверженцы которой считают голоса, поданные на выборах или в парламентах³⁷. Во Франции «серийная история» (*histoire serielle*), названная так потому, что данные организованы по сериям на протяжении всего времени, была постепенно расширена с изучения цен (1930-е) до изучения населения (1950-е) и до так называемого

«третьего уровня» – истории религиозного или светского сознания³⁸. Одно известное исследование так называемой дехристианизации современной Франции черпает основную массу свидетельств из снижающегося числа причащающихся на Пасху. Другое, исследующее Прованс XVIII в., изучает изменяющееся отношение к смерти, которое демонстрирует тенденция, выявленная в 30 000 завещаний: уменьшение упоминаний о «небесной части», или уменьшение средств на пышные похороны или церковные отпевания³⁹.

В последние годы статистика с помощью компьютеров вторглась даже в цитадель ранкенианской истории – архивы. Американский национальный архив, например, теперь имеет «подразделение машиночитаемых документов», и архивисты начинают волноваться о консервации и хранении перфолент так же, как и о хранении манускриптов. В результате историки все больше и больше склонны рассматривать ранние архивы, наподобие архивов инквизиции, как банки данных, которые могут быть исследованы количественными методами⁴⁰.

Введение в исторический дискурс большого количества статистики ведет к поляризации профессии на тех, кто за и кто против. Обе стороны склонны преувеличивать новизну проблемы, поставленной использованием цифр. Статистика может нас обманывать, но обманывать могут и тексты. Статистика может неправильно интерпретировать, но неправильно интерпретировать могут и тексты. Машиночитаемые документы не так легко использовать, но это же можно сказать и о многих манускриптах, написанных неудобочитаемым почерком или на месте разрыва. Что действительно нужно, так это помощь в распознавании, в исследовании, какой вид статистики является наиболее заслуживающим доверия, до какой степени и для каких целей. Понятие серии, фундаментальное для серийной истории, должно рассматриваться как проблематичное, особенно когда изменения изучаются за долгий период. Чем длиннее период, тем менее вероятно, что составные части серий – завещания, списки причащающихся на Пасху или что-либо еще – однородны. Но если они – предметы изменяющиеся сами по себе, как они могут быть использованы для измерения других изменений?

Другими словами, нам нужна (как в случае с фотографиями и другими новыми источниками, рассмотренными выше) новая «дипломатика». Этот термин использовал бенедиктинский ученый Жан Мабильон в своем руководстве по использованию хартий в то время (поздний XVII в.), когда обращение к этому виду источников было новым и вызывало недоверие более традиционных историков⁴¹. Кто будет Мабильоном статистики, фотографии или устной истории?

Проблемы интерпретации

Уже предполагалось, что расширение области исторического исследования вызвало переосмысление исторического толкования, так как социальные и культурные тенденции не могут быть проанализированы так же, как политические события. Они в большей степени требуют структурного объяснения. Нравится им это или нет, историки вынуждены изучать самих себя, задавая вопросы, которыми долгое время интересовались социологи и представители других социальных дисциплин. Кто есть настоящее действующее лицо в истории – личность или общество? Могут ли они успешно сопротивляться давлению социальных, политических или культурных структур? Только ли эти структуры ограничивают свободу действия или они лишают действующих лиц свободы выбора?⁴²

В 1950–1960-х гг. экономические и социальные историки были увлечены более-менее детерминистскими моделями исторического толкования, утверждался ли там примат экономического фактора, как в марксизме, географического, как у Броделя, или движение внутри популяции (как в случае с так называемой «мальтузианской моделью» социальных изменений). Сегодня, однако... наиболее привлекательные модели – те, которые ставят во главу угла свободу выбора обычных людей, их поведение, их возможности исследовать несовместимость или непоследовательность социальной или политической систем, чтобы найти лазейку, сквозь которую они могут проскользнуть, или нишу, где они могли бы выжить...

Расширение исторической вселенной повлияло также и на политическую историю, так как политические факты также могут

быть объяснены различными способами. Историки, которые изучают французскую революцию «снизу», скорее всего дают ей совсем другое толкование, чем те, кто сосредоточен на действиях и намерениях лидеров. Даже ученые, которые изучают лидеров, иногда отклоняются от традиционной модели исторической интерпретации, обращаясь к неосознанному, как, впрочем, и осознанному, мотивам лидеров на основании того, что традиционные модели переоценивают значимость осознанности и рациональности.

Например, группа так называемых психоисториков, большинство из которых проживает в Соединенных Штатах (где психоанализ проник в культуру гораздо глубже, чем где-либо еще), предприняла попытку внедрить догадки Фрейда в историческую практику. Психоисторики составляют ряд от психоаналитика Эрика Эриксона, который вызвал нечто вроде сенсации в 1950-х гг. своим изучением проблем личности в «Молодом человеке Лютере», до историка Питера Гея, который и проповедует, и работает в области психоистории. Едва ли удивительно обнаружить, что их подход возбудил дискуссию и что они были обвинены в «сжатии истории» – другими словами, в сведении сложностей взрослой личности (или конфликта между взрослыми) к отношениям ребенка со своими родителями⁴³.

Чтобы проиллюстрировать текущие дискуссии об исторической интерпретации, может быть полезно рассмотреть пример Гитлера, ранние дебаты, например дискуссию между Х. Р. Тревор-Ропером и А. Дж. П. Тэйлором о сравнительной важности краткосрочных и долгосрочных целей Гитлера, которая исходила из надежности традиционной модели исторического объяснения с точки зрения осознанных намерений. Недавно, однако, дискуссия расширилась. Во-первых, некоторые историки, например Роберт Уайт, предложили рассматривать поведение Гитлера с точки зрения неосознанных намерений и даже психических патологий, подчеркивая его повышенную сексуальность, травму, причиненную ему смертью его матери (после лечения у еврейского доктора), и т. д.⁴⁴

Другая группа историков отвергает то, что они называют «интенционализмом», вообще, в том смысле что они рассматривают про-

блему мотивов и стремлений Гитлера как относительно неважную. В соответствии с этими «функционалистами», как они были названы («структурные историки», как я предпочитаю называть их), историческое объяснение политики Третьего рейха должно быть сосредоточено на людях из окружения Гитлера, на машине управления и принятия решений и на нацизме как социальном движении⁴⁵. Есть также историки, которые сочетают структурный и психоисторический подходы и концентрируются на объяснении того, что такого было в нацистах, что привлекло их к Гитлеру⁴⁶.

Что одновременно восхищает и смущает в дебатах о Гитлере, как и во многих других исторических дебатах за последние годы, — это то, что они больше не проводятся по правилам. Традиционное соглашение о том, что составляет хорошее историческое объяснение, разрушено. Является ли это промежуточным положением, которое сменится новым соглашением, или это способ, с помощью которого исторические дискуссии будут проводиться в будущем?

Если подобный консенсус планируется, тогда область того, что может быть названо «исторической психологией» (коллективная психология), вероятно, будет иметь особую важность, соединяя, как она это делает, обсуждения осознанной и неосознанной мотивации с обсуждениями индивидуального и коллективного объяснений. Вдохновляет возрастающий интерес к этим проблемам. Недавно выпущенная серия монографий сосредоточена на истории амбиций, гнева, раздражения, страха, вины, лицемерия, любви, гордости, безопасности и других эмоций. Тем не менее проблемы метода, затрагиваемые исследованием этих неуловимых объектов изучения, далеки от разрешения⁴⁷.

Пытаясь избежать психологического анахронизма, другими словами, допущения, что люди в прошлом думали и чувствовали точно так же, как и мы, мы можем столкнуться с опасностью впадения в другую крайность и «раззнакомления» с прошлым так основательно, что оно становится невразумительным. Историки столкнулись с дилеммой. Если они объясняют отличия общественного поведения в различные периоды отличиями в сознательных позициях или социальных конвенциях, они рискуют оказаться поверхностными. С другой стороны, если они объясняют отличия

в поведении отличиями в глубинных структурах социальных характеристик, они подвергаются риску отрицания свободы и подвижности личности в прошлом.

Возможный выход из этой трудности – через определение «hubitus» (лат. «свойство, внешность, наружность») определенной социальной группы, данное социологом Пьером Бурдьё. Под «hubitus» (свойством) группы Бурдьё подразумевает склонность ее членов выбирать реакцию из определенного культурой набора реакций в соответствии с требованиями ситуации или обстановки. В противоположность концепции «правил», «hubitus» имеет большое преимущество, так как позволяет тому, кто его использует, допускать определенную степень свободы личности в определенных пределах, установленных культурой⁴⁸.

Тем не менее проблема остается. С моей точки зрения, новые историки – от Эдварда Томпсона до Роже Шартье – имели большой успех в выявлении неадекватности традиционных материалистического и детерминистского объяснений индивидуального и коллективного поведения в течение небольшого промежутка времени, а также в демонстрации того, что в повседневной жизни и в моменты кризиса именно культура имеет значение⁴⁹. С другой стороны, они сделали мало для того, чтобы оспорить важность материальных факторов, природного окружения и его ресурсов в течение длительного времени. По-прежнему кажется полезным рассматривать эти материальные факторы как устанавливающие повестку дня, проблемы, к которым личности, группы и, образно говоря, культуры стараются приспособиться или которые разрешить.

Проблемы синтеза

Хотя расширение вселенной историков и развитие взаимодействия с другими дисциплинами, от географии до теории литературы, приветствуется, это развитие имеет свою цену. История как наука ныне раздроблена более чем когда-либо. Экономические историки могут говорить на языке экономистов, интеллектуальные историки на языке философов, а социальные историки на языке социологов и социальных антропологов, но этим группам истори-

ков все труднее общаться между собой. Должны ли мы смириться с этим положением или существует надежда на объединение?

Можно предложить не более чем частичный, личный взгляд на проблему. Мой собственный может быть обобщен в двух скорее дополняющих друг друга, чем взаимоисключающих положениях. Во-первых, изобилие субдисциплин фактически неизбежно. Это не ограничивает историю. Историческая профессия наряду со многими другими профессиями просто представляет собой пример всевозрастающего разделения труда в нашем позднем индустриальном (или постиндустриальном) обществе. Изобилие имеет свои преимущества: оно расширяет человеческое знание и вдохновляет более точные методы, более профессиональные стандарты.

В этом подходе есть свои издержки, так же как и выгоды, но мы можем кое-что сделать для того, чтобы снизить, насколько возможно, интеллектуальные издержки. Не-общение между науками или поднауками не неизбежно. В особом случае истории проявляются некоторые воодушевляющие признаки сближения, если не синтеза.

Следует признать, что при первом всплеске увлечения структурной историей событийная история была почти что выброшена за борт. Открытие социальной истории было также иногда сопряжено с пренебрежением к истории политической – своеобразная инверсия предубеждений традиционных политических историков. Новые сферы исследования, такие как гендерная история и история народной культуры, иногда велись так, словно они были независимы от истории высокой культуры и истории мужчин. Микро-история и история повседневной жизни были реакцией на изучение глобальных социальных тенденций, общества без человеческого лица.

Во всех вышеуказанных течениях ныне можно наблюдать реакцию против такой реакции, поиск равновесия. Историки народной культуры все больше занимаются описанием и анализом меняющихся отношений между высоким и низким, «пересечением народной культуры и культуры образованных людей»⁵⁰. Гендерные историки расширили свои интересы и включили в их сферу отношения между полами в общем и историческую концепцию

мужественности наряду с концепцией женственности⁵¹. Традиционное противопоставление событий и структур замещается изучением их взаимодействия, и многие историки экспериментируют с повествовательными формами анализа или с аналитическими формами повествования...

Самое важное из всего, возможно, то, что длительно существующая оппозиция между политической и не-политической историей наконец-то исчезает. Известное определение социальной истории Дж. М. Тревельяна как «истории без политики» теперь практически никто не приемлет. Вместо этого мы исследуем роль социальных элементов в политике и политических элементов в обществе. С одной стороны, историки политики теперь не ограничивают себя высокой политикой, лидерами, элитами. Они обсуждают географию и социологию выборов и «республики в деревне»⁵². Они рассматривают «политическую культуру», допущение о политике, которая формирует часть повседневной жизни, но весьма разнится от региона и периода времени. С другой стороны, общество и культура рассматриваются ныне как арена принятия решений, и историки обсуждают «политику семьи», «политику языка» или способы, которыми ритуал может выражать или даже в каком-то смысле творить власть⁵³. Американский историк Майкл Каммен также может быть прав в своем предположении, что концепт «культура» в широком антропологическом значении способен служить «возможной основой» для «реинтеграции» различных подходов в истории⁵⁴.

Мы по-прежнему далеки от «тотальной истории», которую отстаивает Бродель. В сущности, верить, что подобная цель может быть когда-нибудь достигнута, было бы нереалистично – и все таки еще несколько шагов в этом направлении сделано.

¹ Этот очерк многим обязан дискуссиям с Рафаэлем Самуэлем в течение многих лет; Гвин Принс и нескольким поколениям студентов Эммануэль-колледжа в Кэмбридже и, в числе более недавних, Нило Одалия и живой аудитории Государственного университета в Араакваре, штат Сан-Паоло, в 1989 г.

² Известный и дискуссионный пример см.: *Fogel R. W., Engerman S. Time on the Cross*. Boston, 1974. О разумной переоценке позиции экономической истории сегодня см.: *Coleman D. C. History and the Economic Past*. Oxford, 1987.

- ³ *Vincent J.* The Formation of the British Liberal Party. L., 1966.
- ⁴ *La nouvelle histoire* / Ed. by J. Le Goff. P., 1978; *Faire de l'histoire*: 1–3 vol. / Ed. by J. Le Goff, P. Nora. P., 1974. Некоторые из этих очерков доступны на английском языке: *Constructing the Past*. Cambridge, 1985.
- ⁵ См.: *Kuhn T. S.* The Structure of Scientific Revolution. N. Y., 1961.
- ⁶ *Haldane J. B. S.* Everything has a History. L., 1951.
- ⁷ *Aries P.* Centuries of Childhood / Transl. R. Baldick. L., 1967; *Aries P.* The Hour of Our Death / Transl. H. Weaver. L., 1981; *Foucault M.* Madness and Civilisation / Transl. R. Howard. L., 1967; *Le Roy Ladurie E.* Times of Feast, Times of Famine / Transl. B. Bray. N. Y., 1971; *Cotbin A.* The Foul and the Fragrant. Leamington, 1986; *Vigarelle G.* Concepts of Cleanliness. Cambridge, 1988; *History and Anthropology*. P. 1. Gesture / Ed. by J.-C. Schmitt. P., 1984; *Bauman R.* Let Your Words be Few. Cambridge, 1984.
- ⁸ *Braudel F.* The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II: 1–2 vol. / Transl. S. Reynolds. L., 1972.
- ⁹ Имя критика было Льюис Нэмир. См.: *Cobb R.* The Police and the People. Oxford, 1970. P. 81.
- ¹⁰ *Hoornaert E. et al.* Historia da Igreja no Brasil: ensaio de interpretaçao a partir do povo. Petropolis, 1977.
- ¹¹ *Pocock J. G. A.* The Concept of a Language // The Language of Political Theory. Cambridge, 1987.; *Kelley D.* Horizons of Intellectual History // J. of the History of Ideas. 1987. Nr. 48. P. 143–169.; What is Happening to the History of Ideas? // Ibid. 1990. Nr. 51. P. 3–25.
- ¹² *Collingwood R. G.* The Idea of History. Oxford, 1946. P. 213.
- ¹³ Цит. по: *Varieties of History* / Ed. by F. Stern. N. Y., 1956. P. 249.
- ¹⁴ Я использую термин известного русского литературоведа М. Бахтина, заимствованный из его *Dialogic Imagination* / Transl. C. Emerson, M. Holquist. Austin, 1981. P. 49, 55, 263, 273; *Certeau M. de.* Heterologies: Discourse on the Other / Transl. B. Massumi. Minneapolis, 1986.
- ¹⁵ См. также любые выпуски «History Workshop Journal».
- ¹⁶ См. об этом: *Cronon W.* Changes in the Land. N. Y., 1983; *Crosby A. W.* Ecological Imperialism. Cambridge, 1986.
- ¹⁷ Несколько блестящих замечаний об этом см.: *Said E.* Orientalism. L., 1978.
- ¹⁸ *Porter R.* The Patient's View: Doing Medical History from Below // Theory and Society. 1985. Nr. 14. P. 175–198.
- ¹⁹ Об обычном солдате см.: *Keegan J.* The Face of Battle. L., 1976.
- ²⁰ *Nous les maitres d'ecole* / Ed. by J. Ozouf. P., 1967. Обзор опыта преподавателей средней образовательной школы с 1914 г.
- ²¹ *The New Cultural History* / Ed. by L. Hunt. Berkeley, 1989.
- ²² *Braudel F.* Civilisation materielle et capitalisme. P., 1967; *Idem.* Les structures du quotidien. P., 1979; *Kuczynski J.* Geschichte des Alltags des Deutschen Volkes: 4 vol. Berlin, 1980.
- ²³ *Certeau M.* L'invention du quotidien. P., 1980; *Goffman E.* The Presentation of Self in Everyday Life. N. Y., 1959; *Lefebvre H.* Critique de la vie quotidienne: 1–3 vol. P., 1946–1981; *Mackie F.* The Status of Everyday Life. L., 1985.

²⁴ *Lotman J.* The Poetics of Every day Behaviour in Russian Eighteenth-Century Culture // *The Semiotics of Russian Culture*. Ann Arbor, 1984, P. 231–256. Более полное обсуждение проблемы см.: *Burke P.* Historical Anthropology of Early Modern Italy. Cambridge, 1987. P. 5, 21.

²⁵ *The New Cultural History* / Ed. by L. Hunt. Berkeley, 1989.

²⁶ *Elias N.* Zum Begriff des Alltags // *Materiellen zur Soziologie des Alltags* / Hrsg. K. Hammerich, M. Klein. Opladen, 1978. S. 22–29.

²⁷ См.: *Burke P.* Popular Culture in Early Modern Europe. L., 1978. Chap. 3.

²⁸ *The Myths We Live By* / Ed. by R. Samuel, P. Thompson. L., 1990.

²⁹ *Thompson P.* The Voice of the Past. Oxford, 1988; *Vansina J.* Oral Tradition / Transl. H. M. Wright. L., 1965; *Idem.* Oral Tradition as History. Madison, 1985.

³⁰ См.: *The Historian and Film* / Ed. by P. Smith. Cambridge, 1976; *Trachtenberg A.* Albums of War // *Representations*. 1985. Nr. 9. P. 1–32; *Tagg J.* The Burden of Representation: Essays on Photographies and Histories. Amherst, 1988.

³¹ *Panofsky E.* Essays in Iconology. N. Y., 1939; *Wind E.* Pagan Mysteries in the Renaissance. L., 1958. Более скептическая точка зрения выражена: *Gombrich E. H.* Aims and Limits of Iconology // *Gombrich E. H.* Symbolic Images. L., 1972. P. 1–22.

³² *Ginzburg C.* Da Aby Warburg a E. H. Gombrich // *Studi medievali*. 1966. Nr. 8. P. 1015–1065. Его критицизм был направлен, в частности, против Фритца Саксла (Fritz Saxl). Об иконографии для историков ментальности см.: *Iconographie et histoire des mentalites* / Ed. by M. Vovelle. Aix, 1979.

³³ *Hudson K.* The Archaeology of the Consumer Society. L., 1983.

³⁴ *Deetz J.* In Small Things Forgotten: the Archaeology of Early American Life. N. Y., 1977.

³⁵ *Finley M. I.* The Use and Abuse of History. L., 1975. P. 101.

³⁶ *The Social Life of Things* / Ed. by A. Appadurai. Cambridge, 1986.

³⁷ *Aydelotte W.* Quantification in History: Reading. Mass., 1971; *Bogue A.* Clio and the Bitch Goddess: Quantification in American Political History. Beverly Hills, 1983.

³⁸ *Chaunu P.* Le quantitatif au 3e niveau // *Chaunu P.* Histoire quantitatif, histoire serielle. P., 1978.

³⁹ *Le Bras G.* Etudes de sociologie religieuse: 1–2 vol. P., 1955; *Vovelle M.* Pieté baroque et dechristianisation. P., 1973.

⁴⁰ *Henningsen G.* El «Banco de datos» del Santo Oficio // *Boletin de la Real Academia de Historia*. 1977. Nr. 174. P. 547–570.

⁴¹ *Mabillon J.* De re diplomatica. P., 1681.

⁴² *Lloyd C.* Explanation in Social History. Oxford, 1986. Это издание предлагает общий обзор. Более доступное для не философов см.: *James S.* The Content of Social Explanation. Cambridge, 1984.

⁴³ *Erikson E.* Young Man Luther. N. Y., 1958; *Gay P.* Freud for Historians. N. Y., 1985; *Stannard D.* Shrinking History. N. Y., 1980.

⁴⁴ *Waite R. G. L.* The Psychopathic God: Adolf Hitler. N. Y., 1977.

⁴⁵ Я использую разделение интенционализма и функционализма, сделанное Т. Мэйсоном. См.: *Mason T.* Intention and Explanation // *The Fuhrer State, Myth and Reality* / Ed. by G. Hirschfeld, L. Kettenacker. Stuttgart, 1981. P. 23–40.

⁴⁶ Lowenberg P. The Psychohistorical Origins of the Nazi Youth Cohort // American Historical Review. 1971. Nr. 76. P. 1457–1502.

⁴⁷ Delumeau J. La peur en accident. P., 1978; *Idem.* Rassurer et proteger. P., 1989; Stearns P. N., Stearns C. Z. Emotionology // American Historical Review. 1986. Nr. 90. P. 813–836; Stearns C. Z., Stearns P. N. Anger. Chicago, 1986.; Zeldin T. France 1848–1945: 1–2 vol. Oxford, 1973–1977.

⁴⁸ Bourdieu P. Outline of a Theory of Practice / Transl. R. Nice. Cambridge, 1977.

⁴⁹ Необычно детальный аргумент см.: Sider G. Culture and Class in Anthropology and History. Cambridge; P., 1986.

⁵⁰ См.: Gurevich A. Medieval Popular Culture / Transl. J. M. Bak, P. A. Hollingsworth. Cambridge, 1988.

⁵¹ Why Gender and History? // Gender and History. 1989. Vol. 1. P. 1–6.

⁵² См. об этом: Agulhon M. The Republic in the Village / Transl. J. Lloyd. Cambridge, 1982.

⁵³ Segalen M. Love and Power in the Peasant Family / Transl. S. Matthews. Cambridge, 1983; Smith O. The Politics of Language, 1791–1815. Oxford, 1984; Rituals of Royalty / Ed. by D. Cannadine, S. Price. Cambridge, 1987.

⁵⁴ Kammen M. Extending the Reach of American Cultural History // American Studies. 1984. Nr. 29. P. 19–42.

Дж. Каплан

Постмодернизм, постструктурализм, деконструкция: заметки для историков*

(Перевод А. Ю. Ануфриевой и Ю. В. Ракиной.

Общ. ред. и предисловие В. В. Высоковой)

Современное гуманитарное знание испытывает огромное влияние процессов глобализации. Оно становится все более сложным в силу интегративных процессов в различных сферах человеческой коммуникации. Последнее время происходит осознание того, что, наряду с позитивными сторонами, этот процесс имеет крайне негативные последствия – тенденции отторжения, непонимания и т. п. И поэтому, приветствуя взаимо-

* Перевод и публикация по изд.: Caplan J. Postmodernism, Poststructuralism and Deconstruction: Notes for Historians // Central European History. 1996. Vol. 22. Nr. 3/4.